

Пятница. 3 ноября. 17:45. Администрация Н-ской области

– Пятница-развратница, – произнес, глядя на часы, Можайцев, сухощавый мужчина лет сорока пяти со скучным вытянутым лицом, сидевший слева от двери, и вопросительно поднял глаза на начальника отдела Максима Васильевича Уткина, сидящего напротив него, в глубине кабинета.

Уткин, высокий, плотный, симпатичный, благородно сидящий на висках мужчина, ничего не ответил. Зато отозвался Антон Кубицкий, самый молодой в отделе, рабочее место которого располагалось рядом с можайцевским:

– Тебе уж, скорее, тяпница.

Он засмеялся. Но Можайцеву шутка не понравилась. Он недовольно передернул носом:

– Юмор пьющих в конце рабочей недели не понимаю.

– А каждую пятницу я... сами знаете, во что, – полуспел-полупродекламировал Кубицкий.

– Пятнадцать минут еще до конца рабочего дня, – наконец отозвался Уткин, убирая в папку разложенные на столе бумаги.

– Конечно, что такое пятнадцать минут по сравнению с полувековым юбилеем, – сказал Можайцев.

– Не напоминай, Виктор Петрович, – ответил недовольно Уткин. – И так тошно.

– А что, Максим Васильевич, так тяжело в пятьдесят лет становится? – спросил его Кубицкий. – Вы, вон, еще вполне ничего у нас. И в теннис у вас не выиграть, и девочки молодые на вас заглядываются.

– Ты это про нее, что ли? – Уткин мотнул головой в сторону пустующего стола. Юля Головина, чье рабочее место находилось напротив его, уже неделю сидела дома на больничном по причине осенней хандры и простуды.

– Я вообще, – сказал Кубицкий.

– Тогда и отвечу вообще. Наверное, один хрен: что сорок девять, что пятьдесят. Однако психологически какой-то барьер впереди намечается. И возьмешь его или нет – непонятно.

– А можно мне слово молвить, Максим Васильич? – подал голос Можайцев.

– А когда я тебе запрещал?

– Я тебя немного помоложе, на пару лет всего, но тебе завидую. Смотри, завтра в ресторан пойдете с женой и родственниками. Все будут говорить, какой ты замечательный. Подарки подарят. Во вторник на работе чествовать будут. Опять же слова, подарок хороший, грамоту, да еще и премию, как положено. А чем плохо? Да еще и удовольствие растянешь. Раз день рождения на праздник пришелся – будешь три выходных праздновать, да еще и на работе – день. Потом с нами в ресторане посидишь, мы тебя опять же хвалить будем. Чем плохо?

– Плохо, что поздравлять заранее нельзя. А то б сегодня отмучился, и все, – хмыкнул Уткин. – Не хочу я, мужики, если честно, всей этой мутотени.

– А чего хотел бы?

– Наверное, один побыть. Все же полтинник за спиной. Подумал бы о том, чего достиг, а чего не смог. Но это в одиночку хорошо, в уединении.

– А кто мешает?

– Все. От семьи до работы. Вы ж первые закричите: зажал. Да и начальство живьем зажарит.

– То есть сочувствовать вам надо? – спросил Кубицкий.

– Да как знаешь.

– Все у вас хорошо, чего ж сочувствовать. Хотя, если честно, мне мой возраст больше нравится. Тридцать три вообще классно звучит. Красиво.

– Ладно, красавцы, давайте расходиться. День предпраздничный. Мы и так заработались. Как известно, по Трудовому кодексу на час короче. А мы нарушаем.

– Так у нас с предпраздничными днями туговато. Постоянно нарушаем. Хорошо, что праздники есть, – хмыкнул Можайцев.

– Завтра точно. А мне клятвенно пообещали, что три дня. А вот за вас не ручаюсь.

– Авось, пронесет, – сказал Кубицкий, застегивая портфель.

– Ну тогда, господа, давайте по домам, – Уткин подошел к шкафу и достал оттуда свое короткое черное пальто.

– Завтра-то позвонить тебе можно будет? Поздравить? – спросил Можайцев.

– Да кто ж вам запретит? Тем более праздник. День единства. Пошел я. До вторника. Не забудьте ключи на вахте оставить.

– Когда кто забывал? – обиженно спросил Кубицкий.

– Ты и забывал. Не далее как два месяца тому назад.

– Нет бы хорошее вспомнить, – вздохнул Антон.

– Хорошо, забыли. И до вторника.

Уткин пожал мужчинам руки и вышел из кабинета. Быстрым шагом дошел до лестницы и увидел, как из другого крыла того же второго этажа здания администрации навстречу ему идет начальник его управления Петр Иванович Асеев. «Вот черт, вышел бы на пару минут позже», – раздраженно про себя подумал Уткин, но было поздно.

Против обыкновения, обычно всем недовольный Асеев был настроен дружелюбно:

– Домой идете, Максим Васильевич?
– Да, Петр Иванович.
– Заранее не поздравляю, но помню.
– Конечно, вы же приглашены. Завтра ждем вас.
– Спасибо. Я, конечно, не ходок большой по ресторанам. – Полный широколицый Асеев даже вздохнул. – Но буду рад тебя поздравить. Пятьдесят – не шутка. Помню еще.

Асеев обращался к подчиненному обычно на «вы», но когда говорил «ты», это свидетельствовало о его особом расположении.

Уткин моментально заметил хорошее настроение непосредственного начальника:

– Только заранее не поздравляйте. А я побегу, если вы не против? Жена просила не задерживаться.

– Беги-беги. Я вот тоже пораньше.

Уткин, и правда, воспользовавшись и разрешением, и случаем, ускорился, быстро сбежал по лестнице и выскочил из здания. На улице было прохладно и сыро. Он словно сбросил с себя незримые путы и широко вздохнул. Секунду постоял на ступеньках, но задерживаться не стал – мало ли кто еще выйдет вслед – и, обогнув здание, пошел на служебную стоянку. Серый «Хендай» ждал его за надежной охраной – будкой с полицейским и шлагбаумом. Уткин открыл машину, бросил на заднее сиденье пальто и сумку, сел за руль и... замер, обхватив его руками. Мысль о том, что завтра ему исполняется пятьдесят, не дававшая покоя весь день, сейчас, когда он остался один, вырвалась из подсознания, как птица из клетки, и заполнила все его чувства.

Машин на стоянке оставалось немного. Многих честно отпустили домой, согласно Трудовому кодексу, но кто-то еще работал, кое-где в окнах горел свет. Отдел инвестиций, который возглавлял Уткин, оказался где-то

посередине. Досидели до шести, как обычно. Из забытья вывел звонок мобильного. «Прощание славянки» зазвучало приглушенно. Уткин любил этот марш: он будоражил его, из глубины души поднималось и рвалось ввысь что-то горделивое. Но слишком громкий звук на работе, да и в общественных местах, заставлял посторонних порой вздрагивать, оглядываться. Поэтому Максим Васильевич звук убавил. Мелодия звучала гордо, но не в полный голос, будто чего-то опасаясь, сомневаясь в своей правоте. Зато не отличавшийся идеальным музыкальным слухом Уткин узнавал свой звонок из десятков других.

Он глянул на дисплей. Естественно, жена. Инна Петровна давно просила хоть на ее звонки сменить мелодию, поставить что-то понежней. Но Уткин отказывался, приводя в защиту аргумент, что тогда вообще может не услышать звонок. Что ж, «Славянка» так «Славянка», согласилась жена.

– Макс, ты не забыл, что нужно водки купить? – промурлыкала Инна.

Голосок у нее, конечно, был ангельский, почти детский. Когда-то от него у Уткина заходило сердце. Только давно это было.

– Больше некому?

– А кто ж еще купит? Ты у нас главный мужчина.

– Может, завтра? – предпринял Максим Васильевич еще одну попытку отвертеться.

– Ну не пошлю ж я тебя в твой юбилей в магазин? Да и родственники с утра прийти могут. Что тебе стоит? Ты ж на машине. Заедешь быстренько и домой.

– Ладно, – вздохнул Уткин. – Сколько брать?

– Ну, ящик, я думаю.

– Сколько-сколько?!

– Дюжину, – деловито ответила Инна Петровна и пояснила: – Двенадцать.

– Понял, – сказал Уткин и отключился.

Ехать никуда не хотелось, но долгое сидение в машине не могло вызвать вопросы у полицейского в будочке, и Максим повернул ключ зажигания. Мотор завелся, и он аккуратно тронулся с места. Шлагбаум открылся, и «Хендай» плавно выехал на центральную улицу. Жил Уткин в районе новостроек, довольно далеко от центра. По крайней мере, таковыми они считались, хотя, например, его многоэтажке было уже лет пятнадцать. Зато не надо было петлять по узким улочкам. Почти до самого дома вела широкая шестиполосная трасса. И здесь бывали пробки, чаще по утрам и, как сейчас, во время пик, но если не случалось аварии, то рассасывались они достаточно быстро. Сегодня движение было хоть и активное, но достаточно бодрое. Только вот оставалась небольшая загвоздка: надо было заехать в магазин. Появилась лишняя проблема логистики.

Вообще-то в районе его дома было немало крупных магазинов с хорошим выбором спиртного, но Уткин, подумав, решил, что занозу из памяти лучше вытащить сразу. И он свернул на боковую улицу, где метров через сто пятьдесят призывными огнями за сверкал большой супермаркет. Припарковался с трудом – машины стояли плотно, – и пришлось проехать еще метров пятьдесят, пока Максим не заметил, что какой-то автомобиль только что освободил место. Туда он и втиснулся, мысленно представляя себе, как придется тащить сюда ящик водки. Точнее, везти тележку. Искусство вождения магазинной тележки представлялось ему даже более сложным, чем искусство вождения автомобиля.

Впрочем, в магазине все оказалось не так страшно. Выбрав сорт спиртного напитка, он выставил его в тележку и, лавируя между покупателями, подъехал к кассе

с совсем небольшой очередью. Касс было много, кассиры были расторопны, и расставание с пяти тысячной прошло быстро, хотя и не сказать, что совсем безболезненно. «Свадьба денег не жалеет», – усмехнулся про себя Уткин. Хоть юбилей и не свадьба, но выходил он в копеечку, и это тоже было не самым приятным для несклонного к транжирству Максиму Васильевичу. Из супермаркета с тележкой он выбрался быстро, но вот дальше стало труднее. Он лавировал с металлической конструкцией на колесиках между покупателями, спешащими в магазин, и автомобилями, двигающимися вдоль стоянки в поисках свободного местечка. Наконец он добрался до своего «Хендая». Открыл багажник, загрузил туда бутылки, потом вернул пустую тележку к стенке торгового комплекса. А вот дверь автомобиля открыть было проблематично. Большой джип припарковался практически впритык к машине Уткина. Максим вздохнул и начал боком продираться к двери.

– А поосторожней можно? – услышал он голос за спиной. – Я вытереть пальто об мою машину не просил.

Уткин вспыхнул мгновенно. Все раздражение, накопившееся за день, было готово выплеснуться наружу. Он резко развернулся. Возле капота джипа стоял мужчина в распахнутой черной куртке. Освещение в полусотне метров от яркого супермаркета было тускловатое, поэтому Максим сфокусировал внимание лишь на его фигуре. Мужик был, может, пониже ростом, чем Уткин, но даже плотнее его. Стоял уверенно расставив широко ноги. Боксер, что ли, мелькнуло у Максима Васильевича в голове. Но отступить он не был намерен.

– Парковаться нормально не учили? Или права купил? – зло ответил он.

– Так. Борзый, значит, – ухмыльнулся визави. – Иди сюда, поговорим.

Максим развернулся, елозя своим пальто сразу по двум машинам, и вышел на проезд:

– Пришел. И что?

Но мужчина замолчал и внимательно уставился на него.

– Чего молчим? – мрачно задал вопрос Уткин.

– Макс, ты, что ли? – удивленно спросил тот. – Не признал сразу, извини. Раскабанел ты.

– Не понял, – Максим Васильевич удивленно поднял брови.

– Ты ж Максим Уткин. Так?

– Так.

– А я Леха Синьков. Не узнал, что ли? Бизнесом вместе занимались. Помнишь?

– Леха? Так это ты раскабанел, а не я.

– А нам, бизнесменам, по-другому нельзя, – засмеялся Синьков. – Ну, здорово тогда. И извини, что я на тебя наехал.

Он стоял, довольный, крутя в руке ключи от машины. Светлые волосы шевелились на ветру, круглое лицо, широкий нос. «На сколько ж он меня моложе?» – на миг задумался Максим. Годков на пять, наверно?

Был в жизни Максима Уткина такой период, когда лет пятнадцать назад он ушел из администрации и попытался заняться бизнесом. Схема была обычной – купить подешевле, продать подороже. На семейном совете было решено вложить в дело личные сбережения, кое-что подкинули тесть с тещей. Но товарно-денежные отношения продлились всего года два, дела шли ни шатко ни валко. Максим влез в долги (к счастью, не такие уж большие) и решил, что бизнес – это не его. Отдал долги и вернулся в администрацию. Но приняли его с трудом, на нижестоящую должность, и Уткину снова пришлось карабкаться по ступенькам. Долги он все же отдал, опять же частично с помощью родственников, и зарекся больше лезть

в бизнес. Но за те два года он имел дело с разными людьми – поставщиками, покупателями, а Леха Синьков одно время вообще был его компаньоном. Он, кстати, отвечивал Максима бросать предпринимательство, считал, что трудности – дело временное.

Через пять минут они уже сидели в машине Алексея и разговаривали.

– Разные времена были, – рассказывал Синьков. – И взлеты, и посадки. Посадки, не в смысле судебные, а в смысле тяжелей жить становилось. Но копейка всегда была, не скрываю. И дело против меня возбуждали, и отжать пытались, но я выстоял. Потому что не лез и не лезу в крупные дела. Так, пара магазинчиков, павильон на рынке. Фирмочка оптовая. Продуктами торгую, людям же есть всегда хочется. Дом построил, машина нормальная. Хотя ты прав, не всем дано. Вон Игорь Кабаков кредитов набрал, хотел расширяться, а тут кризис. Он в гараж зашел и из карабина себе в висок. Ты Кабакова-то помнишь?

– Нет, не очень, – честно ответил Максим.

– Ясно. Сам-то как?

– В администрации областной. Начальник отдела. Инвестиции, инновации. Такая вот ерунда.

– Ого, дела денежные. Самому-то перепадает что-то?

– Шутишь? – Максим хмыкнул. – Мы с бумажками дело имеем. А там серьезные люди. С ними на верхах за руку здороваются. А мы оформляем. Бумажные люди, короче.

– А материально?

– Как все, – Уткин пожал плечами. – Зарплата, доплаты, премии. Машину купил пару лет назад. В кредит. Жена, дочь. Большая уже, двадцать пять, с нами живет. Никак замуж не выйдет. А у тебя-то как?

– Как у людей. Жена вторая. Дети. Двое от новой. Один от старой, но тот, слава богу, самостоятельный. А бабы мозг пилят. Но я спасаюсь. Мужскими способами.

– Это какими?

– Сам, что ли, не знаешь? Баня, водка, бильярд, рыбалка. Девки молодые, – Синьков засмеялся. – У тебя не так, что ли?

– Не совсем.

– Ну, не хочешь, не признавайся. Слушай, Макс, а что мы тут на сухую? Давай, ради встречи заедем куда-нибудь, по паре рюмочек перехватим. Или по пивасику. Молодость вспомним.

– Леха, да я и не против. Сто лет так не сидел. Но понимаешь... – Максим замялся.

– Что не так? Жена не разрешает? – Синьков рассмеялся.

Максим недовольно поморщился:

– Не в этом дело. Сейчас разъясню. У меня завтра юбилей – полтинник стукнет. Гости, посиделки в ресторане, и водка в багажнике. Домой довести надо в целости и сохранности. И за рулем я.

– Блин, это ж повод...

– Заранее не отмечают.

– Значит, отметим последний день до пятидесяти. А машина – не проблема. Отгоним к твоему дому или куда поближе. Обратно – на такси. Соглашайся.

– Не знаю. Да и два дня подряд бухать...

– Здоровье, что ли, не позволяет?

– Да как сказать... Все равно ж завтра не свежий буду. Опять же дома недовольство.

– А кто в доме хозяин? Тем более в юбилей. Или жена так запугала?

Максим опять поморщился и внезапно сказал:

– Ладно, поехали. Выбор места за тобой.

Он и сам не знал, что подвигло его на это решение. Скорее всего, последние слова Синькова. И если не получится посидеть и подумать в день рождения, то, может, он сможет это сделать накануне, в компании человека,

который никак не связан с ним последние годы и которому он ничего не должен?

– Только недолго, – на всякий случай добавил Уткин.

Они выехали из тесного проезда на джипе Синькова, затем Максим пересел к себе. Два автомобиля двинулись по дороге в южную часть города. Машины оставили на стоянке у большого торгового центра в квартале от дома Уткина. Чуть поколебавшись, Максим Васильевич набрал номер жены:

– Инна, водку я купил. Но мне придется срочно вернуться на работу. Надолго? Нет. Надеюсь, нет.

Он не стал слушать недовольное ворчание супруги и вышел из салона. Начал накрапывать дождик. Максим запер автомобиль и подошел к джипу Синькова, наклонился к окошку:

– Ну что дальше?

– Не мокни, садись в салон. Я водителя своего вызвал. Минут через пять будет.

Вскоре, действительно, в автомобильное стекло постучал высокий молчаливый лысоватый парень в темной кожанке. Синьков уступил ему место на водительском сиденье, и джип тронулся с места.

– Куда едем? – спросил Уткин.

– Есть местечко одно. Уютное. Географически? Не очень далеко. Почти в центре.

И действительно, они вернулись почти туда, где встретились. Немного покрутились по переулкам, и в одном из них машина остановилась возле двухэтажного домика. Крытое крылечко, ступеньки вниз. «Звезда Востока», прочитал Максим вывеску.

Однако внутри никакого восточного или даже псевдovосточного антуража не было. Деревянные столики и скамейки, табачный запах. В полумраке Уткин разглядел, что занято всего несколько столиков. Играла негромкая музыка.

– Не пивнушка, – сказал Синьков. – Кухня здесь приличная. По шашлычку? Я угощаю.

– Меня ж жена убьет, если я наевшийся домой приду, – хмыкнул Максим.

– Фигня, за это не убивают. Если пьяный, то может. Случаи бывали.

– Нет, я понемножку. За встречу чисто символически.

– Ладно, – сказал Синьков. – С тобой мы будем так до глубокой ночи спорить. Беру инициативу на себя. Раздеваемся и садимся за столик.

Они повесили верхнюю одежду на большую фигурную вешалку, расположившуюся прямо в зале, и уселись за ближайший к ней столик.

Синьков позвал официанта, и тот мгновенно возник перед ними.

– Значит, так, по шашлычку, салатик и бутылочку водочки. Ну и запить – минералочки там.

– Леша, – недовольно скривился Уткин. – Я ж сказал: чисто символически.

– Знаешь, что у меня жена детям говорит: сколько съешь, никто запихивать не будет. И что характерно – обычно съедают все до донышка.

Синьков засмеялся.

Официант принес водку, минералку и салат. Леша быстро разлил.

– Ну давай, за твои прошедшие сорок девять, – сказал он, поднимая рюмку.

– Давай, – вздохнул Уткин. – Только предупреждаю – три рюмки максимум.

– Максим... тебя как по отчеству?

– Васильевич.

– Ну, за тебя, Васильевич.

Они чокнулись и выпили. Закусили салатом.

– Зря ты кочевряжишься... Васильевич. Сейчас шашлычок принесут... Супер.

– Во-первых, не надо меня так называть, – поморщился Уткин. – Во-вторых, жена у меня и юбилей. Я уже говорил.

– Не буду, не буду. Но Макс, ты ж человек серьезный, с должностью и при костюме, – Синьков кивнул на благородный серый «Хьюго Босс» Уткина. – Небось, недешевый?

– Нормальный. Пятьсот евро. Жена в Италии покупала.

– Ну вот видишь. По Италиям ездешь.

– Это жена. Я не дальше Турции.

– Так поэтому ты ее так боишься?

– Леша, что за фигня? Юбилей у меня. Мне, конечно, если честно, все эти празднества, как серпом по одному месту... Но семью огорчать не хочу.

В это время официант принес шашлык.

– Быстро, – сказал Максим. – Небось, разогрели и все.

– Нет, барашка для тебя специально зарезали, – хохотнул Синьков. – Давай по второй. За встречу и шашлык.

– Хорошо, – немного подумав, ответил Максим. – Спасибо тебе, что пригласил. И правда, надо отвлечься. От работы, от мыслей о возрасте.

Они снова чокнулись и выпили. Шашлык действительно оказался вкусным.

– А что работа? – спросил Синьков. – Я б, если честно, никогда не пошел на дядю работать.

– Не на дядю, на государство, – ответил, прожевав, Максим. – А работа как работа. Нервная порой. Иногда

сучная. До шести высиди каждый раз. А иногда и задерживаешься. Все бы ничего, только начальники достают. А не пошлешь... Хотя иной раз очень хочется. А я между молотом и наковальней. Начальник отдела, должность почти расстрельная.

– Чем достают?

– Придираются. Задания дурацкие. Есть у нас такой – Асеев. Дуб дубом, а строит из себя. Еще и вежливый такой, когда не орет. Улыбается. А так хочется в рожу дать иногда.

Уткин почувствовал, что напряжение рабочего дня и предчувствие перехода в новый возраст, так напрягавшее его, понемножку отступает.

– А что не дашь? – заинтересовался Алексей.

– Шутишь?! Вон будет. До самой Москвы запашком пахнет.

– Да, грустно. Тогда надо по третьей.

– За дам, что ли?

– А мы гусары разве? Ну давай, за жену твою.

– Хорошо, что напомнил, – хмыкнул Максим. – Третья и все. И так плешь за запах проест.

– Ну не убьет же...

– Это вряд ли.

– А чем она у тебя занимается? Или дома сидит, хозяйничает?

– Нет. Я ж не бизнесмен, чтобы всю семью содержать. Я госслужащий. А она типа бизнесмен. Турфирмочка у нее. Не фирма, а фирмочка. Так, на поддержание штанов хватает и на то, чтобы смотаться куда-нибудь. Типа, по работе. А еще дочка у меня – Кристина. Двадцать пять ей. Тоже с нами живет. То работает, то принца ждет. Ну давай, за них и выпьем.

Но выпить за дам сразу не удалось. Зазвонил телефон. Максим взглянул на дисплей:

– А вот и жена. Помянешь только черта, а он тут как тут. Да, Инна. Скоро буду. Водку взял. Да пришлось тут на работу вернуться, переговоры срочные. Ну и что, что предпраздничный? Скоро, скоро... Пока.

Уткин посмотрел на Синькова:

– Видишь? Неусыпный контроль.

– Вижу. Так пьем за них или не пьем?

– Пьем.

– Ну тогда за милых дам.

Они выпили и, пережевывая шашлык, Максим напомнил:

– Я больше ни-ни. Норма – три рюмки, сто пятьдесят, короче.

– А потом что?

– Заметно будет, что прилично выпивший.

– Ну, дело твое.

Опять заиграл марш.

– Теперь дочь, надеюсь, в этот раз не денег просит, – сказал Уткин, глядя на телефон. – Да, Кристина. Я уже маме все сказал. Буду скоро. Шампанское? Есть. Нет, не в холодильнике. На кухне, в самом верхнем ящике.

– Музыка у тебя мощная, – заметил Синьков. – Народ не пугается?

– Привыкли. Зато будит сразу и в бой зовет.

– Ясно. Смотрю, девки тебя твои заездили. Для души-то кто-то есть?

– В смысле?

– Ну подружка какая.

– Нет. Зато теща есть. Приезжает периодически. И тесть, – хохотнул Уткин.

– Совсем плохо. Но ты подумай на досуге. Омолодит. А то жалко мне тебя.

– Не надо меня, Леха, жалеть. Поехали лучше уже. Пока доберемся, – Максим Васильевич посмотрел на часы.

– Ага. Только допью, чтоб врагу не досталось.

Синьков вылил оставшуюся водку в фужер для минералки. Получилось до краев. Выдохнул и резко выпил. Потом секунду посидел, закрыв глаза.

Открыл и громко крикнул каким-то изменившимся сильным голосом:

– Официант, счет!

Тот подскочил мгновенно. Леха вытащил из кармана стопку денег, на ощупь отсоединил несколько бумажек, положил на стол:

– Хватит?

– Да, вполне.

– Сдачи не надо. Пошли, Максим. Шмотки не забудь.

Алексей встал, и Максим увидел, что его ощутимо повело. Но оделся Синьков сам и достаточно уверенно. Они пошли к выходу.

20:00

На улице было прохладно, все так же моросил дождик.

– Надо вызвать такси, – повернувшись к Максиму, медленно проговорил Синьков.

– У тебя ж машина есть. С водителем, – напомнил ему Уткин.

– Ага, сейчас позвоню, – Леха начал шарить по карманам. – А телефон где?

Максим видел, что после фужера водки Синькова прилично развезло.

– Не знаю, – сказал он.

Наконец тот нашарил телефон, но тот зазвонил раньше.

– Однако, – Алексей глянул на дисплей. – Телепатия. Сам звонит. Что тебе? Я сам должен был звонить. Куда попал? На хрена? Ладно, разбирайся. А я с тобой завтра разберусь. Я на такси.

– Ну вот, сказал – такси, значит, такси. В ДТП он попал, козел.

– Что-то серьезное? – спросил Уткин.

– Вроде нет. Стоят, ментов ждут. Ну скажи, на фига мою машину мять? Ладно, такси вызывай. Меня сначала довезем, чтоб я не заблудился, потом тебя.

– Леша, мне домой пора, у меня юбилей завтра.

– Ну и чудно. Успеешь. Но друга ты же в беде не бросишь? Тогда вызывай такси.

Уткин ругнулся про себя, но достал телефон. Белая машина с шашечками появилась буквально через минуту. Наверное, стояла напротив.

– Куда едем? – спросил меланхолично водитель, молодой коротко стриженный парень.

– Сначала... – Уткин повернулся к Синькову. – Адрес свой говори.

– А что, он не знает? Меня все должны знать, – нетвердым голосом ответил Алексей.

– Что, пьяный? – спросил водитель. – Мы пьяных вообще-то стараемся не возить.

– Кто пьяный? – отреагировал Синьков. – Не понял я.

– Спокойно, – Максим почувствовал, что внутри него начала закипать злорада. – Посидели немного. Но мы люди приличные, не переживайте.

– Поехали тогда. Улица Солнечная, тринадцать, – неожиданно твердо произнес Алексей и развалился на сиденье.

– Поехали-поехали, – повторил Максим. – А потом меня на Южный бульвар.

– Да брось ты, – подал голос Леха. – У меня переночуешь.

– Нет, не могу. Дома ждут.

– Ерунда какая, – махнул рукой Леха, но замолчал.

Машина тем временем резво ехала по городу. Пятничные пробки почти рассосались, и минут через десять они

уже въезжали на улочку, застроенную коттеджами за высокими заборами.

– Дом тринадцать, приехали, – сказал водитель.

Леха привычно не глядя, протянул ему купюру, не посмотрел и на протянутую сдачу, но продолжал сидеть в машине.

– Что-то ноги отказывают, – пробормотал он. – Макс, помоги.

– Так мне ждать или нет? – занервничал водитель, слушая по рации переговоры диспетчеров.

– Да, – сказал Уткин.

– Нет, не жди, – сказал почти в ту же секунду Синьков. – Езжай, мы передохнем и другую машину вызовем.

Он вышел из машины и оперся о борт:

– Видишь, Макс, не дойду. У меня бывает.

– Ладно, счастливой дороги, – Уткин вышел вслед из машины.

На улице было темновато. Фонари горели через один. Спасал лишь свет из окон да лампочки возле номерных знаков. Максим чертыхнулся, попав ногой в лужу. Тем временем Синьков навалился на него, и Уткину пришлось, поддерживая Леху, двинуться к дому.

Фары машины растворились в пелене из сумрака, тумана и мелкого дождя. Они долго звонили в калитку, потому что Синьков никак не мог нащупать в карманах ключи. Наконец появилась жена Алексея под красным зонтом, и дверь открылась. Уткин облегченно вздохнул, но не тут-то было: Леха начал опираться на него, Максим отклонялся, и в конце концов синьковские туфли оставили следы на его брюках. Он еле отодрал его от себя и решительно сказал:

– Нет уж, дальше сами.

– Нет. Ты обещал зайти. Ты человек слова или как? – не мог угомониться Алексей.

– Помогите мне его довести, – жалобно попросила и жена Синькова.

– Не такой уж он, собственно, и пьяный, – отреагировал Максим.

– Ну помогите, пожалуйста. – В ее голосе звучали просящие нотки.

– Черт с вами, – махнул рукой Уткин. – Пошли.

Втроем они добрались до крыльца, кое-как поднялись по ступенькам и зашли в дом. В большом холле Синьков решительно оттолкнул всех и рванул по коридору направо.

«Куда это он?» – подумал Уткин, разглядывая при ярком свете люстры жену Синькова. Невысокая, темноволосая, с такими же темными глазами. И фигурка ничего, подумал про себя Максим Васильевич, чувствуя опять нарастающее недовольство. Досталась же такому! Теперь недовольство было направлено на конкретного адресата – Алексея Синькова.

А вслух Максим сказал:

– Тогда и я пойду. Домой поеду.

– Вы извините за него, – сказала жена Синькова. – Мы не познакомились. Аня.

– Максим... Васильевич.

– Максим Васильевич, извините еще раз, но вы брюки испачкали.

Максим посмотрел вниз. Мало того, что штанины были забрызганы, но на одной из них виднелся и грязный след от синьковской обуви.

– Да, – сказал он. – И что из этого?

– Почистить можно.

– Да, пожалуй.

Он снял пальто, разулся, с грустью глянув на грязные туфли, махнул рукой и прошел вслед за Аней в ванную. Там он, как мог, с помощью влажных салфеток почистил брюки, потом помыл руки и вышел из ванной. В освещен-

ной комнате слышались голоса, и Максим шагнул туда. Леха, развалившись, сидел на диване и щелкал пультом от телевизора.

– Главное, что в сортир успел, – довольным голосом сказал он. – Ну вот, Макс, так я и живу. Хочешь домик посмотреть? Это холл, например, – он широко взмахнул рукой.

Уткин невольно проследил за направлением движения – холл, действительно, был немаленький. Мебели здесь было немного и поэтому присутствовало ощущение простора.

– Нет, спасибо, – ответил Уткин. – Мне пора.

– Ну да, юбилей. Ладно, отметишь, приходи ко мне. Возьму на работу. Дом тоже построишь. А то в квартире тесно, наверное?

– Нормально.

– Да что нормального? Взятки не дают, на зарплату не проживешь. Жена кормит, да?

Максим почувствовал, что раздражение переходит в настоящую злость. Но тут в комнату вошла Аня.

– Все в порядке? Почистили? – спросила она у Уткина.

– Да, спасибо.

– Анют, а накрой нам полянку маленькую, мы с другом посидим немножко, – подал с дивана голос Синьков.

– Нет, поеду. Пора мне.

– А если не выпущу? – пьяно засмеялся Алексей.

В это время в кармане у Уткина снова заиграл «Марш славянки». Он достал телефон. Это была Юля Головина. Странно.

– Да.

– Максим Васильевич, вы извините, что беспокою. Вы не могли бы приехать ко мне? Это ненадолго. Мне ваша помощь нужна.

Максим покосился на Синькова и ответил:

– Сейчас. Через минутку перезвоню. Хорошо?

– Да, конечно. Извините.

– Вот, – развел Уткин руками. – Ехать надо. Срочно.

– Давай, – махнул руками Леха, казалось, на ходу теряя интерес к нему. – Если надумаешь, жду.

– Я вас провожу, – сказала Аня.

Они вышли в прихожую. Максим быстро оделся.

– Вы извините, – сказала Аня. – Он, когда выпьет, может что угодно наговорить. А вообще – он хороший.

– Не волнуйтесь, ничего он не наговорил, – усмехнулся Уткин и не удержался от вопроса: – А вы давно с ним?

– Семь лет уже. Деток двое. Они наверху играют. Нормально все у нас. Другие хуже живут.

Максим не стал спрашивать, что она имела в виду, попрощался и быстро выскочил из дома и побежал к калитке.

– Может, такси вызвать надо? – крикнула с порога Аня.

– Ничего, сам вызову, – на ходу ответил Уткин.

Впрочем, через минуту он немного пожалел об этом решении. На улице все так же противно моросило, фонари слабо светили и, чтобы позвонить по телефону, он прикрыл его полой куртки.

– Юля, я слушаю. Что стряслось?

– Максим Васильевич, простите ради бога. Такая история: мой парень, он очень ревнивый, он уезжал в командировку на четыре дня. Мы по телефону с ним разговаривали все время. И вот вчера я сдуру ему рассказала, что Асеев Петр Иванович мне предлагал... ну, короче, переспать с ним. А он психовать начал, сказал, что придет и сначала со мной разберется, а потом с ним. Он вот-вот придет. Поговорите с ним, а? Только вы его успокоить сможете.

– Когда? Сейчас?

– Да. Если можно. Я боюсь.

Уткин минутку поколебался:

– Ладно, семь бед – один ответ. Адрес напомни.

У Юли он был однажды, в прошлом году на ее дне рождения. Поддался уговорам, а потом сбежал, оставив молодежь веселиться. Адрес, естественно, помнил плохо.

Она продиктовала, и он, сделав усилие, запомнил.

– Еду, такси сейчас вызову только.

– Спасибо огромное.

Максим набрал номер такси и первым делом спросил:

– Долго ждать? А то замерзну здесь.

– Минутку, – сказала девушка. – Нет, недолго. Максимум – пять минут.

И опять такси приехало быстро, что было даже странно для пятничного вечера, о чем Уткин и не преминул сказать водителю.

– Да нет, ничего странного, – засмеялся тот. – Рано еще. Вот когда развоз начнется часов в одиннадцать, тогда напряженно будет.

Они ехали в машине, и Максим откинулся на подголовник. «Хорошая девочка Юля», – подумал он. Неудивительно, что старая сволочь Асеев ей всякие предложения делает. Уткин подумал вдруг, что и сам был бы не прочь предложить ей нечто подобное, но подсознательно побаивался. Чего? Себя, жены, отказа? Он и сам не мог толком понять. А так – симпатичная, умненькая, иногда, правда, позволяла себе некие капризы. Но это двадцатисемилетней незамужней девушке прощали. Юля жила одна: родители снимали для нее квартиру. Понятно, что девушка хотела замуж, и в последнее время что-то у нее вроде стало наклевываться. «С этим ревнивцем, что ли», – подумал Максим. Наверное.

Они немножко поплутали между панельных пятиэтажек и наконец затормозили у нужного подъезда.

– Нумерация здесь такая, что сам черт ногу сломит, – извиняющимся тоном сказал таксист на прощание.

Юля открыла сразу. Спортивный костюм, почти полное отсутствие макияжа. Русая челочка, курносый носик, встревоженные глазки. Только бледная очень.

– Спасибо, Максим Васильевич, что пришли... – начала она.

– Не за что, – перебил ее Уткин. – Как здоровье-то?

– Нормально уже. Выписали. В понедельник... то есть во вторник на работу выйду. Вы раздевайтесь, проходите.

– Разденусь, только учти, что времени мало.

Он снял куртку, разулся и прошел в комнату.

– Наденьте тапочки, прохладно в квартире. – Юля подала ему мужские тапки.

Размер так сорок пятый, прикинул Максим, всовывая в них ноги.

– Рассказывай, что у тебя, – сказал он, усаживаясь на диване.

– У меня есть парень, зовут Антон. Он хороший, мы с ним хотим пожениться, год уже вместе живем, и отношения у нас очень хорошие. Доверительные. Ну, я так думала, – Юля замолчала.

– И? – поторопил ее Максим.

– Ну а вчера он мне звонит, а я сдуру ему сказала, как-то к слову пришлось, что вот начальник мой, ну я это про Асеева, предложил мне стать его любовницей. Он и психанул, сказал, что завтра приедет и ноги-руки этому Асееву переломает.

– А при чем здесь я?

– Антон приехать должен вот-вот, я хочу, чтобы вы ему объяснили, что это был разговор на ходу, и я ему сразу сказала: нет.

– Но я же при этом не присутствовал и вообще не в курсе.

– Но я прошу, поверьте мне, я же вас никогда не обманывала, – глаза Юли подернулись влагой.

– Не аргумент. И вообще – дурацкая ситуация, – пожал плечами Максим.

В это время в дверь позвонили.

– Вот, это он, – Юля стремглав вскочила со стула. – Ну я вас очень прошу, пожалуйста.

Уткин опять пожал плечами. Из прихожей донеслись какие-то голоса, и через несколько мгновений в комнату зашел высокий парень в джинсах и темном свитере.

– А это кто? – он показал рукой на Максима.

– Это начальник мой, Максим Васильевич. Я сейчас все объясню, вернее, он объяснит, – затараторила Юля, но было уже поздно. Парень схватил Максима за узел галстука:

– Наглый какой! Еще приперся! – И ударил, вернее, ткнул его в лицо.

Уткин отклонился назад, потом резко оттолкнул Антона и вскочил на ноги.

– Это не он! – кричала Юля, встав между ними и раскинув руки. – Он сейчас тебе объяснит все!

– Какие объяснения?! Не хочу! Все, я ухожу, живите, – Антон резко развернулся и бросился в прихожую. Юля побежала за ним.

Максим замер на секунду, а потом тоже вышел из комнаты. Антон натягивал куртку, а Юля пыталась ему что-то сказать, вцепившись в рукав.

– Послушайте, Антон, что вы торопитесь? Я совсем не тот, да и вообще не было у Юли ничего с ним.

– С кем? – Антон отцепился от Юли и повернулся к Уткину. – Вы уже человек немолодой и только поэтому я вас не размазал по стенке. На молодое мясо потянуло?!

– Слушайте, Антон, я понимаю, что вы не в себе, и только поэтому с вами разговариваю.

– А я слушать не хочу! Все, гудбай, бэби. Живи с папиком, я разрешаю. За вещами потом пришлю кого-нибудь.

Он резко распахнул дверь и выскочил в подъезд.

– Антон! – громко закричала Юля, но ответом ей было только гулкое эхо, доносившееся из подъезда.

Они вернулись в комнату. Юля сидела на краешке дивана и рыдала. Уткин растерянно пристроился на другом краю. Наконец он сбросил с себя оцепенение, подошел к девушке и погладил ее по плечу:

– Успокойся, успокойся... Я тебе обещаю, завтра я найду его и все спокойно объясню.

– Правда? – Юля, сдерживая всхлипы, подняла голову и посмотрела на него. – Антон хороший, только взрывной немного. А так он очень хороший.

Она опять всхлипнула.

– Выпить тебе что-то надо, успокоиться, – сказал Максим. – А мне идти уже.

Он посмотрел на часы.

– А чего... выпить? – спросила Юля.

– Ну не знаю. Пустырника, валерьянки, коньяка.

– Давайте коньяка лучше, – Юля улыбнулась сквозь слезы, размазывая кулачком влагу по лицу.

– А у тебя есть?

– Есть. В баре. Там початая бутылка.

Уткин встал, подошел к шкафчику, достал бутылку с янтарной жидкостью и рюмку.

– Сейчас рюмочку выпьешь, умоешься и спать ляжешь. А завтра позвонишь мне и дашь номер его телефона. Только не очень рано, плиз.

– Хорошо. Только вы и себе налейте. Я одна не буду.

– Споите вы меня сегодня. До дня рождения не доживу.

– Ой, Максим Васильевич, у вас же юбилей завтра... – растерянно сказала Юля.

– Юбилей. Так что есть повод выпить. По чуть-чуть. А то я сегодня уже принял немного.

Он разлил коньяк:

– За тебя. Чтоб у тебя все было хорошо.

– Спасибо.

Он не стал смаковать и выпил залпом. Опять стало тепло и захотелось расслабиться.

Юля тоже выпила быстро и закашлялась.

– Хочешь, закуси. Мне не надо, – сказал Уткин.

– Ой, а я даже и не подумала, – растерянно откашлявшись, сказала Юля.

– Мне не надо, – повторил Максим.

На него что-то вдруг накатило, и он внимательно посмотрел на девушку:

– Юля, а я тебе нравлюсь?

– В смысле?

– В прямом. Как мужчина.

– Конечно. Вы симпатичный, умный, следите за собой.

Добрый, внимательный.

– А ты бы смогла со мной?

– Что?

– Ну как что? Спать, любить меня. Как мужчину.

– Максим Васильевич, – Юля поставила рюмку на ковер рядом с диваном. – Вы очень хороший, но хотите честно?

– Хочу.

– Мне нравятся больше ровесники. А в содержанки мне идти смысла нет: сама зарабатываю, родители небогатые. Вы только не обижайтесь.

– Уже обиделся. На себя. Старый я, и дурак. Вот пятьдесят завтра. А домой идти не хочется и отмечать не хочется. Мне б по-хорошему залечь на дно одному и подумать, как я пятьдесят лет прожил и как дальше жить. А то крутишься все время, как белка в колесе. А мне, может, любви хочется. Веришь?

– Верю. Вы ее найдете, если ее нет. А может, вас кто-то любит, а вы не знаете? Может где-то ваша однокурсница или одноклассница по вам тоскует? Вы подумайте.

– Хороший совет. И правда, подумаю. Кстати, твой Антон мне, кажется, губу разбил.

– Может, продезинфицировать надо?

– Уже. Коньяком. Пошел я.

– Извините, Максим Васильевич, втравила я вас.

– Ничего. А насчет Антона решим. Если до завтра не передумаешь. И если я доживу.

– Не передумаю. Люблю я его, дурака. А вы обязательно доживете. И все у вас будет хорошо.

Разговор они заканчивали уже в прихожей. Максим застегнул куртку и вдруг спохватился:

– Такси не вызвал опять. Ладно, проветрюсь немного и с улицы позвоню.

Только телефон зазвонил сам, когда он уже спускался по лестнице. Ответил на звонок Максим уже на улице.

21:45

Уткин взглянул на дисплей: совсем незнакомый номер. Секунду поколебавшись, он ответил:

– Да.

– Привет, Макс! Не признал что ли?

– Миша, ты что ли?

– Я. Номера меняю. Шифруюсь.

Этому звонку Максим искренне обрадовался. Мишка Селезнев, дружок еще со студенческих лет. Единственный, с кем столько лет не прерывались отношения. Да и вообще, если честно, единственный человек, которого Максим Васильевич Уткин мог назвать настоящим другом. Мишка, а вернее Михаил Сергеевич Селезнев, работал на железной дороге, возглавлял подразделе-

ние, занимавшееся строительством. Но так как железная дорога у нас, можно сказать, государство в государстве, то по работе они практически не пересекались. Однако периодически встречались на нейтральной территории. Пытались дружить домами, но из этого ничего не вышло. Селезнев был женат уже в четвертый раз, и каждая новая супруга была моложе прежней. Инну Петровну это раздражало. Хотя на завтрашний юбилей Мишка был приглашен именно с супругой.

– А зачем ты это делаешь?

– Да без задней мысли... почти. Один номер для всех. Второй – служебный. Третий... Ну мало ли. И четвертый есть. Извини, я с этого не звонил тебе.

– Не за что извиняться. Чего-то хотел? А то я тут в дожде.

Уткин почувствовал, что пальто начало намокать, дождь усилился.

– Хотел уточнить – к пяти приходите в ресторан или к шести? А то на работе голову забили старому человеку.

– Да ты на полгода меня моложе, так что не придуряйся. Приходи к половине шестого, не ошибешься.

– Ага, спасибо. А ты что не дома еще?

– Нет, так получилось.

– Тогда давай, до завтра.

– Погоди-ка, Миш, – в голове Максима внезапно зазвучали слова Юли. – Вспомни, я кому-то из девчонок на курсе нравился?

– Ну и вопросыки у тебя. Сам не помнишь?

– Не в смысле, с кем я... а вот нравился я. Безответно, может. Или не знал просто, не замечал, стеснялся.

– Многим нравился... На воспоминания потянуло? Тогда отвечу безошибочно – Олька Крылова.

– Так она вроде курсе на втором замуж вышла? За военного.

– Вышла, да. Только он то уезжал, то приезжал, а она на тебя заглядывалась. Но честь замужней советской женщины превыше всего.

– А ты откуда знаешь?

– Откуда? С женским полом общался. Делились.

– А со мной почему-то нет.

– Ясное дело. Боялись, что на Ольку переметнешься. Она ж симпатичная была. И могла теоретически не выдержать взгляда твоих серых глаз.

– Слушай, а где она сейчас, не знаешь?

– Представь себе, знаю. С военным развелась, вернулась домой, второй раз замужем.

– Откуда такие познания?

– Встретил я ее пару месяцев назад в магазине. Даже телефон взял. На всякий случай.

– А мне не дашь?

– Неожиданно. Сейчас эсэмэску пришлю.

– Спасибо, Миш. Жду, и до завтра.

– Пока, неожиданный ты наш. Смотри только, завтра чего не вытвори. А то седина в голову...

Дождь прекратился. Стало холоднее. Втянув голову в плечи и застегнув пальто на верхнюю пуговицу, Уткин сделал круг по двору. Потом двинулся в сторону улицы. Наконец телефон звякнул. Максим присел на скамейку у какого-то подъезда, набрал присланный телефонный номер.

Ответил приятный женский голос. Совсем не старый.

– Ольга? – спросил Уткин.

– Да, я. А с кем я разговариваю?

– Это Максим Уткин. Помнишь, учились вместе?

Пауза.

– Да, помню. Не ожидала. Чем обязана?

– Понимаешь, звучит странно, но вот решил вспомнить молодость. И повод есть.

– Какой?

– Пятьдесят завтра.

– Ну, это не страшно, – в голосе послышалась улыбка.

– Вот хочу тебя увидеть.

– Когда?

– Прямо сейчас.

Еще одна пауза. Теперь более длинная.

– Через минут пятнадцать я выйду погулять с собачкой. Если выйдешь к скверику на углу улиц Красной и Петровской, то у тебя будет шанс. Знаешь, где это?

– Знаю.

– Тогда попробуй. Собака – мопс. Не перепутай.

Максим вышел из двора на улицу и попытался понять, где он находится. Наконец смог сориентироваться. Идти до места встречи было как раз минут пятнадцать. Он шел быстро, обгоняя прохожих. Уткин находился совсем недалеко от центра, но, несмотря на пятничный вечер, людей на улице было немного. Попадались парочки, шумно выясняла отношения подвыпившая компания, кто-то еще спешил с работы. Из большого торгового центра группами и поодиночке стали выходить работники. Десять вечера – центр закрывался.

Опять громко заиграл марш. Кто на этот раз? Это был тесть. Максим удивился: отцу жены Петру Васильевичу за семьдесят. У бывшего военного – режим, к этому времени он ложился в постель и открывал книжку, чтобы побыстрей заснуть. Хватало его на пару страниц. Зато вставал он рано. Но загадки никакой и не было – Инна попросила.

– Добрый вечер, Петр Васильевич!

– Добрый, добрый, – прохрипел тесть. – Я вот что... нам во сколько завтра приходиться? Я что-то запамятовал.

Военная хитрость.

– Да когда хотите. Мы вам всегда рады, – выдавил из себя Максим.

– Да, мы хотим зайти до ресторана. Утречком.

– Конечно, только не очень рано. Надо ж немного подготовиться.

– Конечно, конечно. А ты еще не дома? А то Инна волнуется.

– Работа, Петр Васильевич. Мы – люди государевы, сами понимаете.

– Ну да, ну да... – последний аргумент серьезно подействовал на бывшего военного. – Тогда до завтра.

– Спокойной ночи, Петр Васильевич.

Женщину в белом пуховике с капюшоном и с белым мопсом он увидел издалека. Серый сквер был ярко подсвечен желтым фонарным светом. Веселая собачка с грустной мордой на длинном поводке описывала круги по грязной позднеосенней земле.

– Привет, Максим, – сказала Ольга и кивнула на мопса. – Опять лапы мыть. И так каждый вечер.

– Привет, – ответил он. – Веселая собачка. Как звать?

– Патя. Не Петя, а Патя.

– Хорошее имя для собаки. Сколько ж мы не виделись?

– Много.

– Но ты совсем не изменилась. Хорошо выглядишь.

Он внимательно посмотрел на нее. Большие серые глаза, крупные черты лица, из-под капюшона на лоб выбивалась светлая прядь. «Крашенная, наверное», – подумал Уткин.

– Спасибо. Тут темно. На самом деле старею понемногу. А ты и правда не изменился. Наверно, женщины до сих пор на шею вешаются.

– Не сказал бы.

– Ну ладно. Как живешь? Где работаешь?

– В администрации. Бумажки перекладываю. Чиновник. Самая ненавидимая категория.

– Да ладно тебе. У нас никого не любят – ни предпринимателей, ни писателей.

– А ты как?

– Работаю в одной строительной конторе. Плановый отдел.

– Замужем за военным?

– Нет. Давно уже разошлась. Потом второй раз вышла. Не сразу. Муж – врач. Двое детей. Не очень еще большие. Студенты. А ты?

– Женат. Да. Дочери двадцать пять. С нами живет большей частью. Ищет себя. То работает, то нет.

– Ясно. А все-таки, зачем решил со мной встретиться после стольких лет?

Максим остановился. Почему-то вспомнилось, что в молодости он всегда был очень стеснительным. Со временем это вроде бы прошло, но иногда словно возвращалось. В таких случаях помогал алкоголь. Уткин вспомнил, что вроде бы сегодня выпивал в последние четыре часа. Но все выветрилось, исчезло практически бесследно. И все-таки он смог выдавить из себя:

– Ты так здорово выглядишь. И вообще, с ровесницами легче, чем с молодыми. Может, давай как-нибудь встретимся. Попробуем.

Он сам понимал, что говорит какую-то чушь. Ольга подтвердила:

– Ты сам-то соображаешь, что говоришь?

– Не очень, если честно, – он вздохнул.

– Что ты сейчас хочешь от меня?

– Я знаю, что я тебе всегда нравился.

– Что значит «всегда»? Нравился когда-то. И сейчас ты – симпатичный, видный. А я замужняя женщина. И расплнела. Может, под пуховиком не видно. И морщинки у глаз. И что ты хочешь? Чтобы мы стали любовниками? Не получится. Я люблю своего мужа.

Максим стоял понуро. Он чувствовал себя мальчиком, с которым не хочет танцевать ни одна девочка на его первом школьном вечере.

Ольга, похоже, заметила его настроение и сказала уже мягче:

– Наверно, ты просто нервничаешь перед юбилеем. У всех такое случается. Не переживай, для мужчины пятьдесят – не возраст. Завтра все будет лучше: родные будут поздравлять, друзья.

– Родные, – Максим горько усмехнулся, – родные. Родители развелись, когда я еще учился в школе. Отец уехал. Потом я узнал, что погиб вскоре – машина сбила. Мать умерла десять лет назад, да и не ладил я с ней особо. Есть старший брат. Он в Канаде живет. В лучшем случае позвонит. Ромка придет с семьей – двоюродный брат. И все.

Они медленно шли по аллее. Патя уже устал накручивать круги и уныло брел рядом.

– А жена, дочь?

– Вот у жены родственников хватает. Они и придут. Что жена? Она команды дает, я выполняю. Только мне кажется, что и она, и я от этих ролей устали. А деваться с подводной лодки некуда, да и лень. Она меньше командует, я меньше выполняю. Дочь? Она нас строить пытается. Но тоже получается плохо. Ей бы себя для начала построить.

– И все-таки, мне кажется, ты драматизируешь. Езжай домой, отдохни. Завтра посмотришь на мир другими глазами. А нам с Патей тоже домой пора. Извини.

– Понял.

– И все же я рада была тебя увидеть. Но ты звони, если будет грустно. Номер, как я понимаю, есть.

– Есть. Счастливо тебе. Поцеловать красивую женщину можно? На память.

– Можно. В щечку. Помаду, извини, не стерла еще.

Он приобнял ее и прикоснулся к щеке губами. Щека была гладкая и холодная.

– Ну пока, – сказал он и быстро пошел по асфальтированной аллейке. Отойдя на десяток метров, не выдержал и оглянулся: женщина в белом пуховике стояла и смотрела ему вслед. Грустная собака со смешной мордой сидела у ее ног.

22:30

Максим быстро шагал по улице, высматривая стоянку такси. Он был зол на себя. «Вечной молодости захотелось», – думал он. Нет ее. И надо все принимать, как данность. Пятьдесят так пятьдесят. Отмечают все – значит, и ты отметь. Домой? Да, домой. Тем более машина стоит на стоянке, а в багажнике – ящик водки.

Опять Уткину стало холодно, и он прибавил шагу. А вон, кажется, и такси. Оно одно-одинешенько стояло в кармане и ждало, вероятно, именно его. Максим Васильевич подошел к машине и наклонился. Водитель, кажется, придремал в салоне. Уткин легонько постучал пальцами по стеклу. Потом сильнее. Только тогда водитель заворочался, поднял голову.

– На Южный проспект, – сказал он.

Таксист кивнул. Но не успел он открыть дверь, только потянувшись к ней, как около Максима возникли три фигуры. Молодые парни такого обычного вида – в черных коротких куртках и черных шапочках, да еще и с ощутимым запахом.

– Погодь, батя, нам нужней, – сказал один из них. – Шеф, в Гусаково нам.

Максима это не устраивало совсем – парням нужно было за город, да и вообще в другую сторону.

– Нет, ребята, – сказал он. – Я первый в очереди стоял.

– Тебе ж сказали: нам нужней, там водка стынет, – второй парень отодвинул его плечом и приоткрыл дверь машины.

Максим почувствовал, что в нем опять закипает злость. На этот раз – на трех наглых молодцев, пытающихся влезть в такси раньше него. Может быть, в другое время он бы не стал связываться сразу с тремя, да еще гораздо более молодыми людьми, но сейчас он уже не очень управлял собой.

Уткин обхватил парня за талию и резко отодвинул в сторону, а сам нырнул на переднее сидение:

– Поехали. Южный проспект.

Но закрыть дверцу ему не дали. Кто-то схватил его за плечо и настойчиво потянул из машины. Максим вцепился двумя руками в сиденье и отмахнулся ногой. Кажется, попал. Послышался громкий русский мат, и один из его соперников отскочил в сторону. Зато другой ввалился в салон и схватил Уткина двумя руками за воротник. Максим боднул его головой в лицо. Тот выругался, но воротник не выпустил и тянул Уткина за него из машины.

– Эй, хватит! Полицию вызову, – закричал таксист.

– Мы сами ему полицию покажем, – мрачно ответил кто-то из нападавших.

Еще одна рука проникла в салон и ударила Уткина в ухо. Максим на секунду ослабил хватку, и этого было достаточно, чтобы его буквально вырвали из салона. К счастью, он, хоть и поскользнулся, но не упал. Первый удар пришелся вскользь по голове и многострадальному воротнику. Максим успел принять стойку, но это не спасло его от удара сбоку ногой в голень. «Один против троих – неплохо», – мелькнуло у него голове.

И вдруг:

– Стоять!

Полицейская машина с визгом затормозила у тротуара. Парни бросились бежать. Двое полицейских ринулись за ними, а третий подскочил к Максиму:

– Ни с места! Руки на капот!

– Так это они на меня налетели.

– Стоять, я сказал!

Через минуту два напарника вернулись с добычей. В руках они вели одного из нападавших. Тот не сопротивлялся, поскольку рука его была круто завернута за спину и лишь жалобно поругивался.

– Мужики, – сказал как можно миролюбивее Уткин. – Они на меня напали, вон таксист подтвердит.

– Подтвердит, – ответил полицейский и повернулся к водителю, вышедшему из машины. – За нами едем. Все в отделение. Там разберутся.

– Мне-то это зачем? У меня юбилей завтра. Отпустите, жена дома ждет, – Максим все надеялся на сострадание стражей порядка.

– В отделении разберемся. И отпустим. Может быть.

В отделении дежурный капитан долго вертел в руках удостоверение Уткина. Сначала его определили в обезьянник вместе с задержанным парнем, сразу потерявшим всю свою спесь и пытавшимся доказать, что он ни в чем не виноват, а только должен вызывать жалость. Но, увидев документы Максима, его сразу выпустили и отправили к дежурному.

На скамейке напротив сидел грустный таксист, который, увидев Уткина, в сердцах бросил:

– Ну вот. Из-за вас вечер коту под хвост.

Капитан смотрел то на удостоверение, то на Уткина, потом вымолвил с укоризной:

– Ну что вас понесло-то, Максим Васильевич? Что делать-то с вами?

– Отпустить. Тем более они на меня сами напали.

Максим чувствовал себя отвратительно. Вдобавок разболелась нога, по которой попал один из нападавших. Откуда-то из глубины мозга начала подступать головная боль.

– А с этим что делать? Тоже отпускать? Нет, я не могу на себя ответственность брать. Тем более что нам велено о таких случаях докладывать.

– Да не надо никуда докладывать, – устало сказал Уткин. Капитан наконец решился на что-то и набрал телефонный номер:

– Виктор Сергеевич, тут такое дело...

Он вкратце изложил ситуацию. В ответ, видимо, раздалось что-то громкое и не очень приятное, так что дежурный даже отставил трубку от себя подальше. Потом опять приложил к уху:

– Да, хорошо. Ждем.

Он аккуратно положил трубку на рычаг и поднял голову к Уткину:

– Велено ждать. Сейчас зам начальника приедет. Посидите здесь.

– А можно, я позвоню, – спросил Максим.

– Кому? – подозрительно спросил капитан.

– Брату. Он прокурор у меня.

– Пугаете?

– Нет. Просто хочу, чтоб забрал меня отсюда. Если выпустите.

– Звоните, – устало сказал капитан и повернулся к сержанту: – Ерохин, верни человеку мобильник.

Тот высунул телефон из окошка, Уткин молча забрал его и нажал на клавишу:

– Черт. Сел, похоже. С городского можно позвонить?

– Вообще-то нельзя, – ответил дежурный и поставил аппарат на окошко. – Звоните. Только быстро.

Максим Васильевич набрал номер домашнего телефона Романа. Долгие гудки. Наконец двоюродный брат отозвался:

– Алло.

– Ром, это я, Макс. Не спишь?

– Блин, что случилось? Я думал на работе пожар какой.

Не сплю. Кино смотрю.

– Выручай. Я в ментовке.

– Ты что, с дуба рухнул?! Где? В какой ментовке?

– На Жукова. Возле больницы.

– Сейчас приеду. Самому интересно. Ты же знаешь, я люблю приключения.

И повесил трубку.

Максим вернул телефон.

– Сейчас приедет.

– Ага, – кивнул дежурный. – И наш майор тоже. А мы тут удивлялись, какая пятница тихая.

И как бы опровергая его слова, двое полицейских за-тащили в помещение здорового детину, громко матерящегося и мотающего головой.

– Ну вот, сглазил, – сказал капитан. – Зато вашему подельнику скучно не будет.

– А мне что делать? – подал голос таксист.

– Ждите, – коротко ответил дежурный.

Детину поволокли по коридору, а Уткин устало опустился на скамейку рядом с таксистом.

Внезапно Максима потянуло в сон, и он даже начал придремывать, но из этого состояния его вытащил громкий голос:

– Который?

Высокий еще довольно молодой человек в полицейской форме с погонами майора смотрел прямо на него.

– Вот, – показал на Максима капитан.

– Здравствуйте, – майор протянул Уткину руку. – Роцин Виктор Сергеевич, заместитель начальника отдела. Пройдемте ко мне.

Он открыл удостоверение Уткина, которое уже держал в руках:

– Как вас угораздило-то... Максим Васильевич? Ладно, поговорим у меня.

В это время дверь в отделение распахнулась, и в помещение влетел Роман, двоюродный брат Максима. Выглядел он не очень презентабельно – в джинсах, свитере, распахнутой адидасовской куртке, весь взъерошенный.

– Стоп, стоять, – встrepенулcя cержант у входа.

– Это мой брат, – сказал Уткин.

– Стрижевский Роман Георгиевич, прокурор Зареченского района, – представился Роман. – А это и правда мой брат. За что вы его?

– Пойдемте ко мне, – устало повторил майор. – И вы, Роман Георгиевич, если не трудно. Только для начала удостоверение предъявите.

Роман усмехнулся и достал из внутреннего кармана куртки документ.

– Так собирался, что чуть не забыл, – усмехнулся он.

Рощин посмотрел удостоверение и вернул Роману:

– Извините. Порядок. Пойдемте.

23:30

Они поднялись на второй этаж.

Спартански обставленный небольшой кабинет. Стол, два стула напротив. Небольшой диванчик, еле втиснувшийся между дверью и окном. Зеленый сейф возле стола. Покосившийся двустворчатый шкаф. «Все как в советские времена», – подумал Максим. В подобных кабинетах он последний раз был, наверное, лет тридцать назад. Из примет нового – лишь компьютер на столе да кнопочный телефон. У дежурного внизу стоял еще дисковый.

– Рассказывайте, Максим Васильевич, как вас угораздило, – сказал майор, когда они уселись, бросив вслед за хозяином верхнюю одежду на диван.

– Садился в такси. Подбежали трое, начали меня выпихивать, сами хотели вперед уехать. Вытащили из машины, набросились. Но ваши очень быстро появились.

– Мимо ехали. Повезло вам, – уточнил Роцин.

– Да как сказать, – возразил Максим.

– Да так и сказать, трое молодых парней, а вы-то не очень уж, извините, молодой. И выпивши слегка.

– Да, малость самую. А что касается молодости – то да. Завтра – пятьдесят лет, – сказал Уткин.

– Видите как, – улыбнулся майор. – А что, сегодня отмечать уже начали?

– Нет, получилось так. Кстати, у вас телефон хоть чуть-чуть подзарядить можно? А то сел...

– Да, – сказал Роман. – Подзаряди. А то мне уже твоя благоверная позвонила.

– А ты что?

– Наврал что-то. Но будут еще разборки.

Между тем майор пошарил в ящиках стола и протянул Уткину зарядное устройство:

– Подойдет?

– Кажется, да. Так что вы со мной делать будете?

– Да ничего не будем. Отпустим, – вздохнув, сказал майор. – Протокол не составляли. Прокурору вот на руки сдадим. А я досыпать поеду.

Он протянул Максиму удостоверение.

– Прокурора тоже, между прочим, почти из постели вытащили, – заметил Роман. – И прокуратура это дело так не оставит.

Роцин взглянул на часы:

– Без пятнадцати минут полночь. Вообще, говорят, примета плохая заранее поздравлять, но давайте по пятьдесят грамм за именинника.

– Я за рулем вообще-то, – сказал Роман. – Привык не нарушать.

– Ну от пятидесяти вас по сторонам кидать не начнет. А так, вряд ли кто прокурора остановит.

– Ладно, давайте. Макс, ты как?

– Я-то что? Хотя еще машину забрать надо.

– Завтра заберешь. Довезу тебя.

– Я могу транспорт дать, – вмешался майор, доставая из сейфа початую бутылку коньяка, а за ней и три рюмки.

– Спасибо, не надо. Доедем.

– Тогда наливаю. Коньяк хороший, армянский. И вот яблочки есть. Какая-никакая закуска. По чуть-чуть и без приключений. За вас, Максим Васильевич. Чтоб во вторые пятьдесят к нам только по хорошим поводам.

Они выпили. Максим прислушался к ощущениям. Опять на миг стало теплее, и головная боль, казалось, отступила.

Похрустели яблоками.

– Сейчас будем уже разбежаться, а то всех жены ждут, – сказал майор. – Только вопрос один. Философский. Вы, Максим Васильевич, я смотрю, нас постарше будете. И как ощущаете себя в без десяти минут пятьдесят?

– Честно? Хреново. Жизнь проходит, а ее как и не было. Все замолчали. Потом Роман поднял голову:

– Брось, Макс. Все нормально. Не комплексуй. Мне это тоже через пять лет предстоит.

– Тебе через пять лет, а мне через пять минут, – Уткин встал. – Все, поехали. Спасибо, майор. Кстати, с этими-то что? С таксистом и бакланом.

– Таксиста сейчас отпустим, а этого – утром. Пусть проспится. Кстати, вы телефон-то не забудьте. Зарядился?

Уткин включил аппарат. Два пропущенных от жены.

– Да. На дорогу до дома точно хватит.

– В машине подзарядишь, – сказал Роман. – Поехали. Спасибо, майор. И за коньяк.

– Ерунда. Домой – и спать.

Они спустились вниз.

– Сейчас указания раздам и тоже поеду. Удачи.

Они попрощались, и Роман с Максимом вышли на улицу. За это время там стало еще холоднее.

– Не жарко, – сказал Уткин. – Надо было еще по кофты.

– Нет, я домой хочу. Под теплое крылышко жены.

– А я вот что-то не хочу, – ответил Максим.

Роман внимательно поглядел на него, но ничего не сказал, молча пошел к машине. Максиму ничего не оставалось, кроме как двинуться за ним. Они сели в салон, и Уткин снова поставил телефон на подзарядку.

– Ну, рассказывай, что с тобой произошло нынче. Надеюсь, больше никакого криминала? – спросил Роман.

– Слушай, Рома, давай, может, девок каких-нибудь снимем, да и в баню с ними. А?

– Ну, друг ситный, тебя и повело, – покачал тот головой. – Слышал я, что людей колбасило перед такими датами, но чтоб так... Кстати, – он взглянул на часы, – полночь. С днем рождения тебя. По науке должно отпустить. Самый страшный период ты уже прожил. Живой и относительно здоровый. Так что давай я тебя до дому довезу, а об остальном завтра поговорим.

– Нет, Ром, я не могу сейчас домой. Давай поговорим.

– Давай, только недолго. А то и меня с собаками искать начнут. Слушаю тебя.

– Не с кем поговорить. Это главная беда. А мне выговориться надо. Понимаешь?

– Говори.

– Только не подумай, что это пьяный бред. Я и не пьяный вовсе.

– Я ничего не думаю. Говори, я тебя выслушаю.

– Не знаю, с чего начать.

– С чего хочешь.

– Понимаешь, надоело все. Ничего в жизни не интересно. Домой не хочу, на работе – уроды сплошные, куда придешь – смотрят, как на врага. Как же – чиновник. Взяточник и сволочь, короче. Пытался отвлечься – ничего не берет. Вот спиртное – пью и не пьянею. К психиатру пойти? Не дай бог узнают на работе. Найдут повод выпереть. Им там психи не нужны.

– Да брось ты, сейчас частных клиник полно. Таблеточек каких-нибудь выпишут, а потом и сам успокоишься. Стукнет тебе полтинник, и успокоишься.

– Нет. Не успокоюсь. Я же не рефлексам живу, а разумом.

– Уверен?

– Да. Почти.

– И что твой разум тебе говорит?

– Что? С женой живем как соседи. За вечер пять слов друг другу не скажем. Дочь едва ли не в открытую меня посылает. Это если жить начинаю учить. Молчу – и вроде ничего, за отца даже схожу. На работе каждый нетопырь командует.

– Ты ж вроде сам начальник...

– Ага. Трех подчиненных. Еще уборщице могу указание дать. Где пыль вытереть. И самое хреновое – всю жизнь так. Родителей уже давно в живых нет, а меня до сих пор детские воспоминания по ночам будят. Отец ушел, когда мне семь лет было. Тоже все учить меня пытался. Мать? Честное слово, не хочу говорить. Она свою личную жизнь пыталась построить. Без особого успеха. И меня опять же учила, когда время было. Брат старший? Поддай, принеси. И подзатыльник. Курить только вот научил. Как он в Канаду свалил, я сразу бросил. В общем, Рома – только ты у меня родной человек.

Уткин опустил голову на панель автомобиля.

– Ну вот, еще заплачь, – мотнул головой Роман.

– Нет, – ответил Максим медленно разгибаясь. – Я злюсь, а не ною.

– Ну что ж, злость иногда неплохо. Давай так договоримся – завтра, а вернее, сегодня, отмечаем твой юбилей. А потом я что-нибудь обязательно придумаю для тебя. Это только китайцы без хобби могут жить, одной работой, а нам отдушина нужна. А в остальном – не рефлексируй. Все, полтинник тебе стукнул, смирись и живи дальше. Крась только жизнь и все. Яркими красками.

В салоне заиграл марш. Уткин посмотрел на дисплей удивленно:

– Ого, брат родной нарисовался. Да, слушаю.

– Здорово, Макс.

Слышно было так хорошо, будто Анатолий звонил не из далекого Торонто, а из дома напротив. Максим даже отодвинул телефон от уха.

– Привет.

– С днем рождения, брат. Будь здоров, расти большой и не бойся лет своих. Я вот уже семь лет с этим живу.

Анатолий захохотал.

– Спасибо, Толя.

– Признайся, я первый тебя поздравил?

– Нет, вот Рома рядом сидит.

– Где сидит? – Анатолий был озадачен. – Вы что, уже отмечаете? У вас же только день начался. Или я что-то напутал?

– Нет. Считаешь ты правильно. В машине мы. Домой едем, – сказал Максим.

– Но, молодцы тогда. Давайте тогда быстрее, а то Инка заругает. Привет ей.

Анатолий опять засмеялся.

– Передам. Ты как?

– Нормально. Бизнес маленький, но стабильный. Ладно, будь здоров. Дорого тебе звонить. Я тебе на мейл напишу. А то скайп ты никак не хочешь установить.

– Пока. Спасибо.

Он нажал отбой и повернулся к Роману.

– Видишь, даже позвонил брат. А ты на него бочку ка-
тишь, – сказал тот.

– Позвонил. Великий торонтский бизнесмен, – усмех-
нулся Максим.

– Ладно, поехали домой, – сказал Роман. – Поспать
тебе надо. А то выглядишь плохо, помятый весь, грязный.
Губа рассечена.

– Поехали. Только довези меня до стоянки. Я машину
заберу, там все же водки ящик.

– Уверен? Ты ж не прокурор все-таки. Может, хватит
пока приключений?

– Решил я. Поехали.

По пустынным дорогам они доехали до поредевшей
стоянки возле супермаркета буквально за несколько
минут.

– Будь здоров, Рома, – сказал Максим, открывая дверь
автомобиля. – И спасибо за все.

– Может, все же домой?

– Нет, отныне я решений не меняю.

– Телефон-то заberi. Подзарядился хоть?

– Да. Немножко. Удачи тебе.

– Тогда до вечера?

– Ага.

Максим, не оглядываясь, вышел из машины. Было
скользко, ветер неприятно холодил лицо. К тому же забо-
лела нога, по которой пришелся удар каблуком. До «Хен-
дая» оставалось пройти всего несколько шагов, и он сде-
лал их очень медленно. «Гололед», – успел подумать он.
Или гололедица. Когда-то синоптики объясняли разницу,
но он так ее и не запомнил.

4 ноября. 0 часов 35 минут

Уткин не спеша залез в салон, положил руки на руль. Дождь застыл на лобовом стекле тонкой ледяной корочкой. Максим замер – в машине было не очень тепло, но все равно теплее, чем на улице. Ехать никуда не хотелось, но все равно надо было. Или не надо? Загремел звуками марша телефон. Жена. «Не выдержала все-таки», – подумал Уткин. Отвечать или не отвечать? Ответил.

– С днем рождения тебя, милый, – неожиданно мягко заворковала Инна.

Даже странно, он ждал гораздо более нервной реакции. Но если прозвучали поздравления, то должны быть и пожелания? Но нет, тон сменился на более агрессивный, но пока негромкий:

– А можно спросить, где ты находишься?

Максим, наконец, нашел в себе силы ответить:

– Спасибо. Я в машине сижу, на стоянке.

– Один, надеюсь?

– Да. Роман меня сюда довез.

Спрашивать: откуда, зачем, когда и почему не домой, она не стала. Спросила:

– А когда ты собираешься возвращаться?

– А зачем?

В ответ – легкая растерянность или попытка шутки:

– Тебя вроде никто не выгонял.

– Не хочу я домой, Инна. Устал я.

– От чего?

– От этого «домой» каждый день. От того, что дома ничего нет, кроме ужина и телевизора. От того, что нам и поговорить нечего.

– Подожди, у тебя семья, дочь.

– Дочь? Да. Только я ей что, нужен? Как средство для пополнения ее кошелька и недовольства, что я не магнат.

И тебе я нужен? Чтоб был? Для мебели? А когда мы сексом последний раз занимались?

– А кто в этом виноват.

– Кто? Оба, наверно. И не хочу я ничего – ни юбилея, ни родственников твоих. Устал я.

Пауза. И опять в ответ неожиданно мягко:

– Устал? Отдохни.

– Как? Я не умею, разучился. И работа эта дебильная. Каждый тебя имеет. Каждая шишка плюгавая. А за стенами плюнуть норовят. Не в лицо, так в спину – чиновник. Слово нынче хуже мата.

– Макс, ну возьми себя в руки. Отметим юбилей, как люди, и поедем отдохнуть. Не сейчас, так на Новый год. Я хорошие путевки найду. И недорого.

– Вот-вот. Ключевое слово – недорого.

– Ну, дорого, хорошо. Возвращайся домой. Завтра поговорим.

– Так завтра уже наступило. Двойной праздник. Страны и мой. Так что имею право отметить его, как я хочу. Так?

– Имеешь, имеешь... Только езжай домой, прошу. Завтра – гости, отдохнуть тебе надо.

– Пока, Инна. Круг замкнулся.

– Какой круг?

Максим не ответил, нажал «отбой». Еще немного посидел, потом вышел из машины, открыл багажник и достал скребок. Немного поскреб лобовое стекло. Потом опять сел в машину, завел мотор и тронулся с места. Ехал, не пристегиваясь. Он двинулся в сторону проспекта. Машин уже было немного. Дорога стало скользкой. Голова была тяжелой, но он старался сосредоточиться на дороге, даже не замечая, как сильно вцепился руками в руль. Максим инстинктивно сбрасывал скорость, он обычно не любил рисковать за рулем. Так он выехал за город. Сразу вслед за выездной стелой начиналась лесополо-

са. «Хендай» свернул с шоссе и встал на обочине. Уткин взглянул на телефон: зарядки оставалось двадцать с небольшим процентов. Он знал эти смартфоны – падение могло начаться с любого момента. В голове мелькнуло озорство вместе со злостью: когда еще отдавать долги, как не сейчас. Максим нашел в списке контактов фамилию Асеев и дотронулся до нее пальцем.

Ответили не сразу. Потом раздался сонный голос:

– Максим Васильевич, ты что ли? А что случилось.

– Да вот, день рождения у меня сегодня. Полтинник стукнул. Решил себя поздравить.

– Так это тебя должны поздравлять... Ты чего звонишь? Час ночи. Я в это время сплю уже.

– Нашел вот время. Хочу тебе сказать что-то.

– А завтра нельзя? Точнее, сегодня. Не ночью, а?

– Нет. Время икс настало. Короче, Петр Иванович, ты и раньше умом не блистал, а сейчас вообще отупел. Только начальству лизать научился и работу на других спихивать.

Пауза. Потом истошный шепот:

– Ты охренел?! Пьяный, что ли?!

– Да я и пьяный тебя, дурака, умней. Дай похамить, а то ты думаешь, что только тебе можно. Короче, ты наглый зажавшийся тип. И место твое, за которое ты всеми ручонками держишься, тебе досталось только из-за жополизства твоего. Больше у тебя достоинств нет.

– Ты все сказал?! Хватит уже?!

– Почти. И к девушкам молодым, козел старый, не приставай. Особенно к Юле. А то тебе рано или поздно челюсть свернут. И поделом. Все. Привет жене.

1 час 15 минут

Максим выключил телефон и отбросил его в сторону. Уткин изможденно откинулся на спинку. «Все, – подумал он, – жребий брошен, Рубикон перейден». Он поднял телефон: оставалось три процента, и аппаратик настойчиво требовал зарядки. Не будет тебе зарядки, хватит! Он вспомнил про ящик водки в багажнике. Захотелось встать, достать бутылку и засадить из горла. Но и этого он не сделал. Мысли внезапно остыли и стали холодными и твердыми, почти осязаемыми на ощупь. Максим достал из бардачка блокнот с прикрепленной ручкой, что-то крупно написал, потом оторвал первый лист и бросил его на заднее сиденье. Посидел еще немного, вглядываясь в лобовое стекло. Провел рукой по ремням безопасности, но пристегиваться снова не стал. «Танк, – вдруг подумал он, – танк с ящиком водки в багажнике». Ну и бог с ним, со стеклом и с алкоголем тоже!

Уткин снова завел двигатель, выехал на шоссе и максимально вдавил педаль газа. Автомобиль начал набирать ход, шум двигателя врывается в салон. Впереди, он знал, скоро будет резкий поворот, но он почти отпустил руль, неотрывно глядя вперед. Вот сейчас! И тут в мозгу у Максима словно что-то щелкнуло, он схватил руль и стал резко выворачивать его влево. Машину занесло на скользкой трассе, и он понял, что не справляется с управлением. В это время из-за поворота прорезался свет фар. Он очень быстро приближался. Судя по габаритам, это было что-то большое. И это огромное и темное было последнее, что видел Максим. Возможности уйти от удара у него не было.

4 ноября. 9 часов утра

Искореженный «Хендай» стоял на обочине под углом к дороге. Передняя часть машины была смята. Тут же на обочине чуть дальше скалилась побитыми фарами длинная фура. Возле легковушки переговаривались несколько человек. Женщина в сером длинном пальто, закутанная в платок, так, что видны были только нос и глаза, отошла от них и пошла вокруг машины. Все смотрели на нее. Через несколько секунд один из мужчин в форме подошел к ней:

– Вот здесь все и произошло. Он ехал на очень высокой скорости, где-то сто семьдесят. Очевидно, не справился с управлением: начало выносить на встречку, стал тормозить, но дорога скользкая, обледеневшая и вот...

Женщина молча слушала, ничего не отвечая и не проявляя никаких эмоций. Внезапно она остановилась, взглянув в салон. Потом дернула заднюю дверцу, та поддавалась. Она наклонилась и достала большой листок бумаги, вырванный из блокнота, который лежал на полу вплотную к заднему сидению. Размашистыми крупными буквами на нем было написано:

«Ты меня все равно не простишь».